

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-84–92

СЦИПИОН, КАТОН, ПТОЛЕМЕЙ: РИМСКИЕ МУЖИ, «MOS MAIORUM» И БРОДЯЧИЕ СЮЖЕТЫ

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию сюжета сочинения Афиней «Пир мудрецов» (VI. 105). Анализ контекста событий, о которых сообщает Афиней, позволяет предположить, что древний автор пишет о Сципионе Эмилиане, в 141 г. до н.э. участвовавшем в римском посольстве в Александрию, в которой в то время правил Птолемей VII, младший сын Птолемея V Эпифана и Клеопатры I. При этом остается открытым вопрос об источниках Афиней: скорее всего, он использовал сочинение Посидония, хотя при этом нельзя исключать влияния Полибия и Плутарха. Его рассказ необходимо разделить на две части, связанные самостоятельными сюжетами: в первой описывается посольство Сципиона Эмилиана в Египет; во второй содержится история о рабах, призванная подчеркнуть староримскую простоту и добродетельность. Скорее всего, сочинение Посидония содержало лишь первую часть, связанную с поездкой Сципиона Эмилиана в Египет, тогда как вторая часть предстает своего рода бродячим сюжетом, имеющим в своей основе конкретный эпизод их жизни Катона Старшего. Когда произошло их слияние сказать со всей определенностью трудно, можно лишь предположить, что это было связано с наличием единого историко-географического пространства, с которым были связаны ключевые эпизоды биографий обоих героев (испанская кампания 195 г. до н.э. и Нумантинская война 134 г. до н.э.).

Ключевые слова: древний Рим, Сципион Африканский, Катон Старший, Птолемей VII, античная историография, бродячий сюжет

Сочинение Афиней «Пира мудрецов» (Δειπνοσοφισταί) редко привлекает внимание отечественных исследователей¹. Между тем оно содержит ценные сведения

Данные об авторе: Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на научной конференции, посвященной 80-летию «Вестника древней истории» «Историк и текст» (ИВИ РАН, 18–19 декабря 2017 г.). Пользуясь возможностью, выражаю признательность всем коллегам, принявшим участие в его обсуждении.

¹ Данное явление характерно не только для русскоязычной историографии. Как было подсчитано, в период с 1700 по 1878 гг. было опубликовано всего 52 работы, посвященные Афиней, в основном на немецком и латыни. С 1896 по 1914 гг. появляется еще около 30, с 1914 по 1924 гг. – 19. Таким образом, за более чем два столетия в свет вышло чуть более ста работ об Афинее, в среднем примерно две работы в год (Baldwin 1976, 21, note 1).

ния, порой позволяющие по-новому взглянуть на, казалось бы, давно изученные сюжеты. Так, в 6-й книге своего труда Афиней в раздел, посвященный римской умеренности, помещает весьма любопытное сообщение. Он пишет: «Сципион, по прозвищу Африканский, к примеру, когда сенат послал его по свету наводить порядок в государствах и вверять их достойным правителям, взял с собой только пятерых слуг, как утверждают Полибий и Посидоний, а когда один из этих рабов умер в дороге, то Сципион велел своим домашним купить и прислать ему еще одного»². В этом сообщении древнего автора многое вызывает вопросы: необычное поручение, которое было дано римскому мужу сенатом, время, когда произошло данное событие, и как следствие – неясность относительно того, о каком именно Сципионе идет речь³. Из источников нам известно, по крайней мере, о двух Сципионах Африканских, имевших одинаковый *praenomen*, *nomen* и *cognomen*⁴, не говоря уже о том, что в античной традиции присутствует не менее двадцати Посидониев, чье существование не вызывает сомнений⁵. Сам Афиней ссылается на Полибия и Посидония, однако ни в дошедших до нас книгах «Всеобщей истории», ни в сохранившихся фрагментах греческого философа данный эпизод не присутствует.

В поисках альтернативного источника обратимся к Плутарху, который в сочинении «Изречения царей и полководцев» (*Βασιλέων ἀποφθέγματα καὶ στρατηγῶν*) в разделе, посвященном Сципиону Эмилиану, передает похожий сюжет. Плутарх сообщает: «Сенат в третий раз отправил его объехать народы, города и царства, чтобы посмотреть, как выразился Клитомах, “кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду”»⁶. Это позволяет нам приблизиться к восстановлению контекста события, о котором сообщает Афиней. В данном случае мы можем пред-

² Athen. VI. 105 (=273b): *σώφρονες δ' ἦσαν καὶ πάντα ἄριστοι οἱ ἄρχαῖοι Ῥωμαῖοι. Σκιπίων γοῦν ὁ Ἀφρικανὸς ἐπικλῆν ἐκτεμπλόμενος ὑπὸ τῆς συγκλήτου ἐπὶ τὸ καταστήσασθαι τὰς κατὰ τὴν οἰκουμένην βασιλείας, ἵνα τοῖς προσήκουσιν ἐγχειρισθῶσιν, πέντε μόνους <συν>επήγετο οἰκέτας, ὡς ἱστορεῖ Πολύβιος καὶ Ποσειδώνιος, καὶ ἐνὸς ἀποθανόντος κατὰ τὴν ὁδοπορίαν ἐπέστειλε τοῖς οἰκειοῖς ἄλλον ἀντ' ἐκεῖνου πριαμένους πέμψαι αὐτῷ*. Здесь и далее пер. Н. Т. Голенкевича.

³ Прозвище «Africanus» является нетипичным как для Корнелиев Сципионов, так и римских магистратов вообще. Как принято считать, *cognomina* обычно отражали физические или ментальные характеристики индивида. В связи с этим не более 13% из известных нам когноменов имели географическую основу. Как правило, они маркировали политическую карьеру лица, отражая, в частности, его военные победы (*cognomina ex victa gente*), что приводило к появлению таких прозвищ, как «Africanus», «Macedonicus», «Creticus» (Rosillo-López 2017, 96 + note 38). По мнению И. Линдерски прозвища, связанные с военными победами, возникали неформально и лишь некоторые из них получали официальное признание, когда полководец получал триумф, а его имя попадало в *Fasti Triumphales Capitolini* (Linderski 1990, 159–164).

⁴ Следует отметить, что палеографически их имена были практически неразличимы, что юридически должно было вводить в заблуждение как самих древних авторов, так и переписчиков их сочинений. Это особенно заметно на примере *Fasti Capitolini*: в первом случае - *Publius Cornelius P. f. L. n. Scipio African* / Публий Корнелий, сын Публия, внук Луция, Сципион Африкан[ский], консул 205 г. до н.э.; во втором - *Publius Cornelius P. f. P. n. Scipio African*. *Aimil.* / Публий Корнелий, сын Публия, внук Публия, Сципион Африкан[ский] Эмил[иан]. См.: *Fasti Capitolini* 1954, 62, 72. В этой связи отметим, что в большинстве греческих текстов, приведенных ниже, фигурирует просто *Σκιπίων*.

⁵ Столяров 2011, 3, прим. 5. Развивая мысль Б. Болдуина, отметим, что если у исследователей по-прежнему вызывает вопрос, какой именно Ульпиан упоминается в качестве действующего лица труда Афиней, то в еще большей степени это относится к Сципиону Африканскому (Baldwin 1976, 33–34).

⁶ *Plut. Reg. et imp. apoph. Scip. Min.* 13: ‘E

положить, что речь идет о Сципионе Эмилиане, который в период между 141 и 139 гг. до н.э.⁷ возглавлял римское посольство в Александрию (Diod. XXXIII. 1)⁸. В Египте в это время правил Птолемей VII, младший сын Птолемея V Эпифана и Клеопатры I, дочери Антиоха III⁹. С 169 по 164 гг. страной управлял своеобразный триумvirат, в который входил Птолемей VI Филометор, его младший брат Птолемей VII Фискон (известный также как Птолемей VIII Эвергет II) и их сестра Клеопатра II¹⁰. В 164–163 гг. держава Птолемеев была разделена между братьями: старший получил в управление Египет и Кипр, а младший – Киренаику. После вступления на престол Птолемей, до этого официально именовавшийся как «Брат» или «Младший Брат», принял имя Эвергет («Благодетель»), призванное связать его с прославленным предком Птолемеем III Эвергетом¹¹. Споры между братьями, которые никак не могли поделить между собой царство, вызвали неоднократное вмешательство римского сената, по крайней мере, дважды, в 168 и между 141–139 гг. посылавшего в Египет своих представителей в качестве посредников и арбитров. В описании Афиней вполне могла предстать деятельность одной из таких сенатских комиссий. Диодор Сицилийский подтверждает информацию Афиней, сообщая о том, что Сципион прибыл в Александрию вместе с другими послами, хотя имен их не называет (XXXIII. 1). Юстин называет участников этого посольства, оказавшихся вне поля зрения греческих авторов: помимо Сципиона Эмилиана в нем приняли участие Спурий Муммий и Луций Метелл (XXXVIII. 8. 8)¹².

⁷ Далее – все даты до н.э.

⁸ Hölbl 2001, 196. Н.Н. Трухина относит его ко второй половине 136 или началу 135 гг. При этом она ссылается на сведения Цицерона, которым дает весьма вольную трактовку, а также 52-ю и 55-ю «Периохи» Ливия. В последнем случае мы имеем дело с явным недоразумением, поскольку в 55-й книге, описывающей события 138–137 гг., действительно присутствует персонаж с прозвищем Трифон, но речь там идет о правившем в Сирии с 142 по 138 гг. Диодоте Трифоне (Διόδωτος δ Τρίφων). Более того, Сципион Эмилиан вообще не упоминается в 53–55 периодах. Как полагает исследовательница, содержащееся в источниках указание на более раннюю датировку «вполне может быть ошибочным» (Трухина 1986, 170, прим. 69). В то же время, как отмечал еще Ф. Мюнцер, хотя точной датировки в источниках нет, то, что в Пергаме римских послов принял царь Аттал II, умерший в 138 г., делает эту дату самой поздней из возможных (Münzer 1900, 1452).

⁹ Птолемей VII зачастую фигурирует в литературе под именем Птолемея VIII: некоторая путаница возникает из-за того, что у его старшего брата, Птолемея VI, был сын Птолемей VII Неос Филопатор (Πτολεμαῖος Νεός Φιλοπάτωρ), правивший несколько месяцев как соправитель своего отца, а после его смерти номинально ставший единственным правителем при регентстве матери. После того как она заключила брачный союз с его дядей, известным нам под именем Птолемея VII, Птолемей VII Неос Филопатор был убит в день их свадьбы. Чтобы избежать смешения двух Птолемеев, Птолемей VII обозначается в литературе также, как Птолемей VIII Эвергет II.

¹⁰ Hölbl 2001, 181.

¹¹ Как сообщают источники, жители Александрии за глаза называли Птолемея VII Какергетом («Злодеем»), что выглядит как издевательский парфраз его тронного имени Эвергет (FGrHist.270 F9). Из-за чрезмерной тучности он также получил прозвище Фискон («Толстяк»), хотя сам Птолемей предпочитал именовать себя Трифоном (Str. XVII. I. 11).

¹² Состав римского посольства не выглядит случайным: Спурий Муммий был участником знаменитого «кружка Сципиона», а под Луцием Метеллом, скорее всего, скрывается Луций Цецилий Метелл Кальв, консул 142 г. Хотя Метелла относят к политическим противникам Сципиона, источники не упоминают о каких-либо противоречиях между римскими легатами (Трухина 1986, 139). Возможно, что в данном случае на Луция проецируются враждебные отношения между его братом Квинтом Цецилием Метеллом и Сципионом Эмилианом, отмеченные в традиции (Val. Max. IV. 1. 12).

Таким образом, мы приближаемся к пониманию первой части сообщения Афинейя о том, что римский сенат послал Сципиона «наводить порядок в государствах и верить их достойным правителям». В том же духе высказывается Плутарх, сообщавший, что сенат отправил Сципиона инспектировать «народы, города и царства» (πόλεων ἔθνῶν βασιλέων). Как сообщает Диодор Сицилийский, помимо Египта, римское посольство во главе со Сципионом объехало «большую часть обитаемого мира» (XXXIII. 3). Хотя описание Диодора явно содержит элемент риторического преувеличения, под οἰκουμένης текста следует понимать в первую очередь Средиземноморье: римские послы посетили Египет, Кипр, Сирию, Грецию и Малую Азию (в частности Пергам), так что география их дипломатической миссии была достаточно обширной¹³.

Обращает на себя внимание, что Плутарх в качестве спутника Сципиона называет Клитомаха (Κλειτόμαχος). По всей видимости, речь идет о философе пунийского происхождения, жившего на рубеже II–I вв. до н.э., ученике Карнеада и его преемнике в управлении новой Академией, который до переезда в Афины носил имя Гасдрубала. Однако, скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с авторской небрежностью или просто ошибкой, поскольку в другом сочинении Плутарха¹⁴, описывающем ту же ситуацию, стих Гомера¹⁵ цитирует философ Панетий, о чем сообщает в своем сочинении Посидоний¹⁶. Цицерон, который оставил краткое сообщение о посольстве Сципиона, также называет имя Панетия в качестве единственного, по его версии, спутника Эмилиана¹⁷. Вопрос о том, кто сопровождал Сципиона во время посольства, далеко не вторичен, поскольку он прямо связан с проблемой достоверности наших источников. Как известно, Посидоний был учеником Панетия, причем оба философа были связаны, с одной стороны, с Родосом, а с другой – с Римом, в связи с чем в позднейшей традиции они могли смешаться. Фигура Панетия в этой связи выглядит более предпочтительной. Хотя существующая хронология их жизни достаточно условна, наиболее достоверная датировка рождения Посидония – 135 г. до н.э.¹⁸ В этом случае он ро-

¹³ Трухина 1986, 140.

¹⁴ Насколько нам известно, сочинение Плутарха «Περὶ τοῦ ὅτι μάλιστα τοῖς ηγεμόσιν δεῖ τοὺς φιλοσόφους διαλέγεσθαι» («О том, что философы должны прежде всего общаться с правителями» или, как вариант, «О беседах философа с властителями») за исключением нескольких фрагментов не переведено на русский язык.

¹⁵ Hom. Odys. XVII. 487.

¹⁶ Plut. Mor. 777A: Κάτων δ' αὐτὸς ἔπλευσεν ἀπὸ στρατιᾶς ἐπ' Ἀθηνόδορον καὶ Σκιπίων μετεπέμψατο Παναίτιον, ὅτ' αὐτὸν ἢ σύγκλητος ἐξέπεμψεν ἀνθρώπων ὕβριν τε καὶ εὐνομίην ἐφορώμενον ὡς φησι Ποσειδώνιος («Катон отплыл из расположения своего войска, чтобы повстречаться с Афинодором; так и Сципион послал за Панетием, когда его самого отправил сенат с тем, чтобы узнать “кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду”, как об этом рассказывает Посидоний»).

¹⁷ Cic. Acad. II. 5: Ego autem cum Graecas litteras M. Catonem in senectute didicisse acceperim, P. autem Africani historiae loquantur in legione illa nobili, quam ante censuram obiit, Panaetium unum omnino comitem fuisse, nec litterarum Graecarum nec philosophiae iam ullum auctorem requiro («Я же, узнав, что Марк Катон в старости выучил греческий язык, а, как говорят, Публий Сципион Африканский во время своего знаменитого посольства (которое ему пришлось исполнять еще до того, как стал цензором) взял себе в спутники одного только Панетия, не ищу для себя иных авторитетов, которые побудили бы меня заняться греческой словесностью и философией»). Здесь и далее пер. Н.А. Федорова.

¹⁸ Как отмечает А.А. Столяров, сколь-нибудь точно даты рождения и смерти Посидония установить невозможно, в связи с чем датировка 135–51 гг. до н.э. основана на ряде допущений и является достаточно условной (Столяров 2011, 39, прим. 6).

дился спустя примерно пять-шесть лет *после* того, как Сципион посетил Александрию и те же пять или шесть лет отделяют его от смерти Эмилиана, в связи с чем он просто физически не мог сопровождать прославленного полководца во время поездки в Египет. С другой стороны, пребывание Панетия в Риме прямо связывается в традиции с личностью Сципиона Эмилиана¹⁹. Судя по информации, которую передает Афиней, Панетий посещал Александрию, оставив описание Птолемея VII, подтверждающее, в частности, его патологическую полноту (Athen. XII. 73 (=549c))²⁰. С другой стороны, Полибий также посещал Александрию во время правления Птолемея VII, оставив описание египетского общества, о чем свидетельствует Страбон (XVII. 12). Обращает на себя внимание, что описание Полибием Александрии в передаче Страбона завершается цитатой из «Одиссеи» Гомера (IV. 483). Хотя использование цитат из Гомера к месту и не к месту было интеллектуальной модой античных авторов разных эпох, возможно, перед нами не просто литературный штамп, учитывая ссылку Афиней на Полибия. В этой связи примечательно упоминание о некоей поездке Сципиона Эмилиана в Массилию, в которой его, возможно, сопровождал Полибий, которого позже сменит Посидоний во время посещения Александрии (XXXIV. 10. 7, 16. 2)²¹.

Таким образом, в качестве предварительного вывода следует признать, что с высокой долей вероятности Афиней использовал сведения как Посидония, так и Полибия, о чем он и сообщает в разбираемом отрывке. При этом, однако, есть веские основания утверждать, что неназванным источником Афиней были труды Плутарха, который в свою очередь использовал в своей работе сочинения Полибия и Посидония. Почему мы настаиваем на особом значении Плутарха как источника? Дело в том, что сообщение Плутарха о Сципионе Эмилиане имеет продолжение. Греческий автор пишет: «Этот философ Панетий ездил при нем как друг, и еще с ними было пятеро рабов; а когда один из них умер, то он не пожелал покупать нового на чужбине и выписал себе другого из Рима»²². Как можно видеть, это сообщение по смыслу совпадает со второй частью заметки Афиней: перед нами одна и та же ситуация, одно число слуг – пять, и акцент делается на том, что новый раб был куплен не на месте пребывания Сципиона, а в Риме. Вместе с тем при поверхностном чтении ускользает истинный смысл данного рассказа. Очевидно, что этот сюжет следует воспринимать в контексте литературно-риторического концепта, призванного воспеть древнеримскую умеренность и простоту, хотя здравый смысл подсказывает, что купить раба на месте в любом случае было бы дешевле, чем доставить его из Рима, принимая во внимание одни только транспортные расходы. Ситуация усложняется еще и тем, что в биографии Катона Старшего, принадлежащей тому же Плутарху, содержится аналогичный рассказ, в котором присутствуют, однако, совсем иные герои. Плутарх пишет: «однако не только собственные руки, но и руки близких к нему людей Катон сохранил чисты-

¹⁹ Трухина 1986, 121.

²⁰ Ср.: Just. XXXVIII. 8. 9. Ради справедливости следует отметить, что, несмотря на чрезмерную полноту, подчеркиваемую источниками, Птолемей VII умер своей смертью в возрасте около шестидесяти пяти лет, пережив всех своих предшественников, за исключением Птолемея I Сотера.

²¹ Трухина 1986, 121.

²² Plut. Reg. et imp. apoph. Scip. Min. 14: *Συναπεδήμει δὲ αὐτῷ φίλιος μὲν σο(ρ)ος Παναίτιος, οἴκείται δὲ λευτε καὶ τοῦτου ἐνὸς ἀποθανόντος ἐπὶ τῆς ξένης, ἄλλον μὴ βουλευμένος πρίασθαι ἀπὸ τῆς Ῥώμης μετεπέμψατο*. Здесь и далее пер. М.Л. Гаспарова.

ми от грабежа. В походе с ним было пять рабов. Один из них, по имени Паккий, купил трех пленных мальчиков. Катон об этом узнал, и Паккий, боясь показаться ему на глаза, повесился, а Катон продал мальчиков и внес деньги в казну»²³. Информацию Плутарха подтверждает Апулей, который сообщает о том, что в одной из своих речей Катон упоминает о том, что, будучи консулом, он взял с собой из Рима в Испанию только трех рабов, а затем прикупил двух мальчишек, уехав в итоге с пятью рабами» (Apol. XVII. 9–10). Как можно видеть, Апулей воспроизводит общую канву рассказа, хотя и путается с количеством рабов (три и пять вместо пяти и восьми у Плутарха).

Самое ценное в сообщении Апулея – это то, что он рассказывает о существовании речи, которая должна рассматриваться в качестве первоисточника разбираемого сюжета. К сожалению, эта речь не сохранилась. В изданиях Г. Майера и Г. Иордана она присутствует в виде фрагмента, воспроизводящего текст Апулея, под названием «...cum in Hispaniam profisceretur»²⁴. Основанием для этого служит плохо сохранившееся сообщение Феста о существовании подобной речи у Катона²⁵. В издании Г. Петера ничего определенного об этой речи не говорится²⁶. Н.Н. Трухина, видимо, следуя второму изданию фрагментов Катона Э. Мальковати 1955 г.²⁷, полагает, что Апулей воспроизводит содержание речи «*Diegum dictatum de consulatu suo*», ориентировочно датированную 191–190 гг.²⁸.

Таким образом, перед нами непростой выбор: чью фигуру считать более достоверной в контексте рассматриваемого сюжета – Катона Старшего или Сципиона Эмилиана, коль скоро Плутарх помещает их в однотипную ситуацию. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вновь разделить рассказ Афиней на две условные части, в первой из которых описывается посольство Сципиона Эмилиана в Египет, а во второй содержится история о рабах, призванная подчеркнуть староримскую простоту и добродетельность. При этом, если достоверность первой не вызывает особых сомнений (первичным источником здесь в равной степени могли быть сведения как Посидония, имевшего возможность получить информацию от непосредственного участника тех событий – Панетия, так и Полибия, входившего в окружение Сципиона), то во втором случае фигура Катона Старшего выглядит предпочтительнее, в пользу чего можно привести следующие аргументы. Во-первых, сообщение Плутарха в этой части подтверждается свидетельством Апулея, ссылающегося на существовавшую в его время речь Катона Старшего. Во-вторых, это наличие конкретных деталей в рассказе Плутарха, который называет имя одного из рабов – Паккий (Πάκκιος), точное время – испанская кампания 195 г., и, наконец, детали, позволяющие понять истинный смысл пере-

²³ Plut. Cat. Mai. X: οὐ μόνον δ' αὐτόν, ἀλλὰ καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ἐφύλαττε καθαρὸς παντὸς λήμματος. ἦσαν δὲ πέντε θεράποντες ἐπὶ στρατείας σὺν αὐτῷ. τούτων εἷς ὄνομα Πάκκιος ἠγόρασε τρία τῶν αἰχμαλώτων παιδάρια· τοῦ δὲ Κάτωνος αἰσθομένου, πρὶν εἰς ὄψιν ἔλθεῖν ἀπήγγελετο. τοὺς δὲ παῖδας ὁ Κάτων ἀποδόμενος, εἰς τὸ δημόσιον ἀνήνευκε τὴν τιμὴν. Здесь и далее пер. С.П. Маркиша.

²⁴ Meyer 1842, 28–30; Jordan 1860, 38.

²⁵ Fest.P. 169M: [Nani]tas secundum incorr[uptam consuetudinem dic]tos quos nunc [nautas dicimus testis est] M. Cato in ea quam scr[ipsit cum in Hispaniam profisce]retur cum ait...

²⁶ Peter 1914.

²⁷ Malcovati 1955.

²⁸ Трухина 1986, 173. В контексте обсуждаемой проблемы забавным выглядит тот факт, что все издатели фрагментов речей Катона, указанные выше, носят одно и тоже имя, передаваемое латинизированной формой Henricus.

даваемого греческим историком эпизода катоновской биографии. Скорее всего, сочинение Посидония (как и недошедшие до нас части «Всемирной истории» Полибия) содержали лишь первую часть, связанную с поездкой Сципиона Эмилиана в Египет, тогда как вторая часть предстает своего рода бродячим сюжетом, имеющим в своей основе конкретный эпизод их жизни Катона Старшего.

На то, что это именно бродячий сюжет, указывает то обстоятельство, что существует отдельная линия в античной историографии, связывающая историю о нескольких рабах, сопровождающих правителя или полководца, с Птолемеями. Так, согласно Диодору, в 164 г. Птолемей VI Филометор отправился в Рим в сопровождении только евнуха и трех рабов (XXXI. 18). Эти сведения подтверждаются Валерием Максимом, который также пишет о том, что Птолемей прибыл в Рим «с незначительным числом рабов»²⁹. Как мы помним, три раба сопровождали Катона в Испанию по версии Апулея, а согласно Плутарху, уже на территории провинции было куплено еще три раба. В то же время, Афиней и Плутарх настаивают на том, что Сципиона / Катона сопровождали пять рабов, хотя версия Афиней представляется более аутентичной. В этой связи обращает на себя внимание, что Птолемя VII на пути из Рима на Кипр сопровождали пять римских легатов на пяти пятипалубных кораблях (Polyb. XXXIII. 8. 6). Одним из них был Луций Минуций Терм, что вновь возвращает нас к фигуре Катона Старшего. До нас дошел фрагмент судебной речи Катона «De Ptolemaeo Minore contra Thermum» (ORF. 177–181). В ней египетский правитель характеризуется как «rex optimus atque beneficissimus», т.е. «правитель наилучший и благодетельнейший». Считается, что Катон имеет ввиду Птолемя VI Филометора³⁰. Однако, как справедливо отмечалось, эта идентификация не бесспорна, особенно учитывая, что Птолемей VII в то время пользовался большой поддержкой в Риме, не говоря уже о том, что название речи Катона прямо указывает на младшего Птолемя (Polyb. XXXII. 1. 2–4; XXX. 8. 4–6)³¹. На его связи в среде римской аристократии указывает хотя бы факт сватовства к Корнелии, матери Тиберия и Гая Гракхов (Plut. Tib. Gr. 1.7). Заметим, что во многом положительная оценка Птолемя VI основывается на характеристике, которую египетскому правителю дает Полибий (XXXIX. 18. 3–7). Однако греческий историк отмечает и отрицательные качества старшего Птолемя: трусость, наглость, высокомерие, расточительность и распутство (XXIX. 21; XXXI. 28. 2; XXXIX. 18. 7). При этом Полибий указывает, что далеко не все авторы положительно оценивали личность Филометора (XXXIX. 18. 3). В действительности разница между братьями вряд ли была столь уж велика: не случайно Полибий относил недостатки венценосной семьи к особенностям египетского национального характера (XXXIX. 18. 7). Скорее на репутацию Птолемя VII повлияло его необычное матримониальное поведение: брак со своей сестрой Клеопатрой II, а затем – с Клеопатрой III, его племянницей и падчерицей одновременно (Just. XXXVIII. 8. 5; Liv.Per. LIX; Val. Max. IX. 1ext. 5)³². Как показывают источники,

²⁹ Val. Max. V. 1. 1: Rex eius Ptolomaeus a minore fratre regno spoliatus petendi auxilii gratia cum paucis admodum servis...

³⁰ Бивен 2011, 340–342.

³¹ Hölbl 2001, 215, note 34.

³² Своего апогея эта необычная ситуация достигает в 124 г., когда после публичного примирения Клеопатры II с Птолемеем VII Фисконом (братом) и Клеопатрой III (дочерью) они совместно правили Египтом вплоть до 116 г. При этом неясно, был ли расторгнут брак Птолемя VII с Клеопатрой II,

древние авторы акцентировали внимание не на личных качествах и чертах характера правителей Египта, а на принципиальных отличиях птолемеевской (соединяющей в себе египетские и эллинистические начала) и римской моделей социального поведения лица, наделенного властью³³.

Сказать определенно, когда именно произошло слияние двух сюжетных линий, невозможно. Можно предположить, что это было связано с наличием общего локуса (в данном случае понимаемого как единое историко-географическое пространство), с которым были связаны ключевые эпизоды биографий Катона Старшего (испанская кампания 195 г.) и Сципиона Эмилиана (Нумантинская война 134 г.). Кроме того, необходимо учитывать, что для римских «антикваров» эпохи Принципатум герои периода Средней республики были уже слабо различимы. Так же, как для своих подданных, Гордиан Старший в равной мере мог быть и Сципионом, и Катоном (очевидно, что и то и другое имя в данном контексте было нагружено положительными коннотациями)³⁴, так и фигуры Катона и Сципиона (неважно, Старшего или Младшего) стали символами, позволявшими сделать акцент на определенных чертах римского национального характера и истории, как они понимались интеллектуалами эпохи Империи³⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Бивен, Э. 2011: *Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма*. М.
- Столяров, А.А. 2011: К будущему изданию фрагментов Посидония. *Философский журнал* 1, 31–53.
- Трухина, Н.Н. 1986: *Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.)*. М.
- Baldwin, B. 1976: Athenaeus and His Work. *Acta Classica*. 19, 21–42.
- Butler, H.E., Owen, A.S. 1914: *Apulei. Apologia sive pro se de magia*. Oxford.
- Degrassi, A. 1954: *Fasti Capitolini*. Torino.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Jordan, H. 1860: *M. Catonis praeter limum de re rustica quae extant*. Lipsiae.
- Linderski, J. 1990: The Surname of M. Antonius Creticus and the cognomina exvictis gentibus. *ZPE* 80, 157–164.
- Malcovati, H. 1955: *Oratorum Romanorum Fragmenta liberae rei publicae*. Torino.
- Meyer, H. 1842: *Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caeco usque ad Q. Aurelium Symmachum*. Turici.
- Peter, H. 1914: *Historicorum romanorum reliquiae*. Lipsiae.

поскольку она сохранила статус царицы, но обозначалась в текстах как «царица Клеопатра Сестра», тогда как Клеопатра III именовалась «царицей Клеопатрой Супругой» (Бивен 2011, 351–352).

³³ Трухина 1986, 140; Hölbl 2001, 196.

³⁴ SHA. XX. 5.5.

³⁵ В этой связи можно заметить, что имена Катона и Сципиона зачастую соседствуют в приведенных отрывках, будь то сочинения Цицерона (Cic. Acad. II. 5) или Плутарха (Mog. 777A), причем в обоих случаях они упоминаются без когномена. О том, как трудно порой различить людей с одним именем говорит ошибка современных комментаторов цicerоновского текста, которые Публия Сципиона идентифицировали как Сципиона Африканского Старшего, хотя речь явно идет о Сципионе Эмилиане (Цицерон 2004, 259, прим. 169). Поскольку в тексте Цицерона имена Катона и Сципиона идут вместе, ошибку комментатора можно объяснить неким автоматизмом сознания, по всей видимости, характерным не только для современных исследователей.

Rosillo-López, C. 2017: Popular Public Opinion in a Nutshell: Nicknames and Non-Elite Political Culture in the Late Republic. In.: L. Grig (ed.), *Popular Culture in the Ancient World*. Cambridge, 91–106.

REFERENCES

- Baldwin, B. 1976: Athenaeus and His Work. *Acta Classica* 19, 21–42.
 Biven, E. 2011: *Dinastiya Ptolemeev* [*Ptolemaic Dynasty*]. Moscow.
 Butler, H.E., Owen, A.S. 1914: *Apulei. Apologia sive pro se de magia*. Oxford.
 Degrassi, A. 1954: *Fasti Capitolini*. Torino.
 Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
 Jordan, H. 1860: M. *Catonis praeter lorum de re rustica quae extant*. Lipsiae.
 Linderski, J. 1990: The Surname of M. Antonius Creticus and the cognomina exvictis gentibus. *ZPE* 80, 157–164.
 Malcovati, H. 1955: *Oratorum Romanorum Fragmenta liberae rei publicae*. Torino.
 Meyer, H. 1842: *Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caeco usque ad Q. Aurelium Symmachym*. Turici.
 Peter, H. 1914: *Historicorum romanorum reliquiae*. Lipsiae.
 Rosillo-López, C. 2017: Popular Public Opinion in a Nutshell: Nicknames and Non-Elite Political Culture in the Late Republic. In.: L. Grig (ed.), *Popular Culture in the Ancient World*. Cambridge, 91–106.
 Stolyarov, A.A. 2011: K budushchemu izdaniyu fragmentov Posidoniya [On the future edition of fragments of Posidonius]. *Philosophskiy zhurnal* [*Philosophical journal*] 1, 31–53.
 Trukhina, N.N. 1986: *Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoy respubliki (II v. do n.e.)*. [*Politics and politicians of «golden age» of Roman Republic (the 2nd century BC)*]. Moscow.

SCIPIO, CATO, PTOLEMY: ROMAN MEN, «MOS MAIORUM»
AND FOLK STORIES

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, Vologda, Russia
kvashninv195@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the storyline by Athenaeus (VI. 105). Analysis of the context of the events reported by Athenaeus suggests that the ancient author writes about Scipio Aemilianus, who in 141 BC participated in the Roman embassy in Alexandria. The ruler of Egypt at that time was Ptolemy VII, the youngest son of Ptolemy V and Cleopatra I. The problem of sources of Athenaeus remains controversial. Most likely, he used the work of Posidonius, although we cannot exclude the influence of Polybius and Plutarch. The text includes two parts, connected separate stories: the first describes the embassy of Scipio Aemilianus in Egypt; the second contains the history of the slaves as example of “*mos maiorum*”. The work of Posidonius contained storyline about the journey of Scipio to Egypt. The second part is a folk story that is based on the episode of the life of Cato the Elder. It is difficult to determine the time of the connection of two stories. The author suggests that the connection point was of historical and geographical space, which united the key episodes of the biographies of protagonists (the Spanish campaign of 195 BC and the Numantine War of 134 BC).

Keywords: ancient Rome, Scipio Africanus, Cato Major, Ptolemy VII, ancient historiography, folk story